

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РФ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 81'22+81'37+811.512.1

Глагол вкусовой перцепции *амсай* в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс

Р. П. Иванова

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», Мирный, Россия
raissa1@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить когнитивно-семиотические механизмы концептуализации вкусового опыта в якутском языке на примере глагола *амсай*. В работе применяется интегративный метод, сочетающий принципы когнитивной лингвистики и семиотики, что позволяет анализировать языковые единицы как элементы сложных знаковых систем, связанных с культурными кодами и ментальными структурами. Материалом послужили лексикографические данные и примеры из художественной литературы. Результаты исследования демонстрируют, что глагол *амсай* обладает сложной концептуальной структурой, интегрирующей сенсорные, когнитивные и культурно обусловленные компоненты значения. Полученные данные значимы для исследований в области перцептивной семантики и сохранения языкового наследия коренных народов Сибири.

Ключевые слова: вкусовая перцепция, якутский язык, семиотика, семантика, тюркские языки, картина мира

Для цитирования: Иванова Р. П. Глагол вкусовой перцепции *амсай* в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 84–91.

Original article

The Verb of Taste Perception *amsai* in the Sakha Language: A Cognitive-Semiotic Perspective

Raissa P. Ivanova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia
raissa1@yandex.ru

Abstract. The study aims to identify cognitive-semiotic mechanisms of conceptualizing taste experience in the Sakha language through the analysis of the verb *amsai*. The research employs an integrative methodology combining principles of cognitive linguistics and semiotics, enabling the analysis of linguistic units as elements of complex sign systems connected with cultural codes and mental structures. The research materials include lexicographic data and examples from literary works. The findings reveal that the verb *amsai* possesses a complex semantic structure integrating sensory, cognitive, and culturally determined components of meaning. The obtained data are significant for studies in perceptual semantics and for preserving the linguistic heritage of indigenous Siberian peoples.

Keywords: taste perception, Sakha (Yakut) language, semiotics, semantics, Turkic languages, worldview

For citation: Ivanova, R. P. (2025). The Verb of Taste Perception *amsai* in the Sakha Language: A Cognitive-Semiotic Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 84–91. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования перцептивной лексики в малоизученных языках, что способствует более полному пониманию универсальных и специфических механизмов концептуализации сенсорного опыта. Особую значимость приобретает анализ метафорических переносов вкусовых понятий в якутском языке, отражающих традиционные ценности и этнокультурные особенности народа.

Исследование опирается на антропоцентрическую парадигму, в рамках которой язык понимается как динамическая знаковая система, формирующаяся под влиянием человеческого восприятия мира и социально-культурных норм [Арутюнова, 1999; Малинович М., Малинович Ю., 2003; Темиргазина, 2005]. Такой подход закономерно приводит нас к необходимости применения когнитивно-семиотической методологии, которая представляет собой интегративный исследовательский инструмент [Daddesio, 1995; Валькман, 2012; Zlatev, 2012; Paolucci, 2021; Сахно, 2023], объединяющий принципы когнитивной лингвистики, позволяющие анализировать языковые единицы как репрезентации ментальных структур, а также семиотические методы, направленные на изучение знаковых систем в их культурном контексте.

Основной целью и задачей работы является раскрытие когнитивных и семиотических аспектов функционирования глагола *амсай* в якутской языковой картине мира.

Исследование вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики и этнолингвистики, предлагая новые данные для типологических сопоставлений в области сенсорной семантики. Полученные результаты имеют значение для теории языка, межкультурной коммуникации и сохранения языкового наследия коренных народов Сибири.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когнитивно-семиотический анализ представляет собой исследовательский подход, объединяющий принципы когнитивной лингвистики и семиотики для комплексного изучения языковых феноменов [Daddesio, 1995]. В его основе лежит понимание языка как динамической знаковой системы, тесно связанной с когнитивными процессами и культурными контекстами.

Сущность метода заключается в одновременном рассмотрении языковых единиц как когнитивных репрезентаций ментальных структур и как элементов сложных семиотических систем [Zlatev, 2012]. Такой подход позволяет раскрывать глубинные

механизмы смыслообразования, выявляя, как языковые формы отражают особенности человеческого мышления и культурно обусловленные способы категоризации действительности.

Применяя данный метод, исследователь фокусируется на процессах концептуализации и категоризации, проявляющихся в языке через систему знаков и их значений [Lakoff, 1987; Рош, 1988; Вежбицкая, 1996; Барсалоу, 2010]. Особое внимание уделяется анализу концептуальных метафор и метонимий как базовых механизмов, связывающих языковую форму с ментальным содержанием [Lakoff, Johnson, 1980; Козлова, Кремнева, 2021]. При этом языковые знаки рассматриваются не изолированно, а в их взаимосвязи с другими семиотическими системами культуры [Лотман, 2004]. Важной характеристикой когнитивно-семиотического анализа является его междисциплинарность [Валькман, 2012; Zlatev, 2012], позволяющая интегрировать достижения лингвистики, когнитивной науки, антропологии и культурологии. Исследование сосредоточено на семантическом анализе глагола *амсай* в соответствии с методологией, предложенной Е. Г. Беляевской в рамках когнитивной лингвистики [Беляевская, 2014].

Материалом исследования послужили лексикографические данные из Большого толкового словаря якутского языка¹ (далее БТСЯЯ), примеры из художественной литературы в словарной статье слова *амсай* (БТСЯЯ, т. 1, с. 454–455).

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА АМСАЙ

Глагол *амсай*, этимологически восходящий к монгольским языкам, занимает центральное положение в системе средств выражения вкусовой перцепции в якутском языке. Его семантическая структура отражает глубинные связи между языковым выражением сенсорного опыта и культурными особенностями якутского этноса. Будучи основным предикатом вкусового восприятия, данный глагол демонстрирует сложное взаимодействие сенсорных, когнитивных и культурно обусловленных компонентов значения, что делает его важным объектом когнитивно-семиотического анализа.

АМСАЙ (БТСЯЯ, т. 1, с. 454–455).

1. Туох эмэ амтанын билэргэ айаххар, тылгар дуона суогу ылан боруобалаан көр. Пробовать на вкус, взяв в рот, на язык что-либо в ничтожном количестве.

¹Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1 (Буква А).

Анализ словарной дефиниции глагола *амсай* выявляет сложную организацию его значения, интегрирующего несколько взаимосвязанных аспектов. В основе семантики данного глагола лежит ментальный компонент, эксплицируемый через глагол *бил* (узнать), что подчеркивает когнитивную природу описываемого перцептивного акта. Локативные маркеры (рот, язык), выступающие как рецепторы вкусового восприятия, указывают на соматическую основу данного языкового знака. Ядерная сема «пробовать на вкус» характеризуется количественной ограниченностью объекта (небольшой объем). При этом в концептуальной структуре глагола отчетливо прослеживается признак интенциональности, проявляющийся в целенаправленном характере перцептивного действия, ориентированного на извлечение сенсорных данных. Такая многоуровневая семантическая организация *амсай* отражает комплексный характер вкусовой перцепции, синтезирующей сенсорные, когнитивные и интенциональные компоненты значения. Рассмотрим пример:

- 1) Мин Өлөөн мууһуттан ылан *амсайан* көөртүм – улаханнык биллэр туустаах (А. Софронов). – Я *попробовал на вкус* кусок льда реки Оленёк, он оказался сильно соленым¹.

В результате перцептивного акта субъект получил сенсорные данные, которые когнитивно интерпретировались как свидетельство повышенной солености воды в реке Оленёк. Этот процесс демонстрирует взаимосвязь между непосредственным сенсорным опытом (вкусовым восприятием) и формированием знаний об окружающей среде, где вкусовые характеристики становятся важным диагностическим признаком качества водного источника.

- 2) Силип хамыйабынан ылан куобах миинин *амсай-ан* “сыып” гыннарда. Күннүк Уурастыырап. – Филипп, причмокивая, *попробовал* ложкой суп из зайчатины.

В приведенном примере семантика глагола *амсай*, несмотря на отсутствие эксплицитного выражения целевой валентности, содержит имплицитный интенциональный компонент. В данном контексте акт дегустации предполагает проверку готовности блюда и степени его солености. Примечательно, что сочетание *амсай* с глаголом однократного действия *сыып гын*² создает комплексное обозначение пер-

цептивного процесса, где вкусовое восприятие сопровождается характерным звуковым сопровождением, что отражает синкретизм сенсорного опыта.

- 3) Вася балыгын *амсайан* баран тыаба тарта (Н. Лугинов). – Вася, *поев* рыбы, отправился в лес.

В предложении глагол *амсай* передает значение ограниченного по объему приема пищи – в данном случае рыбы. Действие представлено как нейтральный факт, предшествующий основному событию (походу в лес), без выраженной целевой установки или причинно-следственной связи с последующим действием. Семантически глагол здесь акцентирует сам факт употребления небольшого количества пищи, не подразумевая особой мотивации или намеренности. Такое употребление отражает базовое, свободное от дополнительных смысловых оттенков значение глагола *амсай* как обозначения простого акта еды.

В БТСЯ в этом же значении приводится следующее толкование, отдельной строкой:

- Кыратык аһы-сии түс (үксүгэр үчүгэй, амтаннаах эбэтэр олус ахтылбаннаах аһыах аһы) – отве-
дывать, вкушать (обычно о вкусной или редкой неболь-
шой пище).

В данном контексте глагол *амсай* приобретает дополнительные коннотативные смыслы, выходящие за рамки простой констатации факта приема пищи. Особое значение здесь приобретает качественная характеристика объекта потребления, которая представлена как ценный и редкий пищевой ресурс, что принципиально меняет семантику глагола.

Само употребление небольшого количества подчеркивает особый статус продукта – бережное отношение к нему свидетельствует о его дефицитности и значимости. В этом случае глагол *амсай* уже не просто фиксирует акт приема пищи, но и передает целый комплекс культурных смыслов: уважительное отношение к пищевому ресурсу, осознание его ценности, ритуальность потребления. Такое толкование предполагает, что за внешне нейтральным действием стоит глубоко укорененная в культуре практика бережного обращения с редкими продуктами. Малое количество в этом случае – не случайная характеристика, а значимый маркер, отражающий систему ценностей носителей языка. Таким образом, глагол в данном употреблении оказывается носителем важной культурной информации, выходящей за рамки его базового словарного значения.

Обратимся к примеру:

¹Здесь и далее перевод наш. – Р. И.

²Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Убрятова Е. И., Коркина Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. ; отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 290.

4) “Чэйдэрин испэккэ эрэ бары матыспакка, ымсыырбыт-баҕарбыт курдук аһы олороллорун көрөн баран, кырдьык, өтөр бурдук аһы *амсайбатах* дьон барахсаттар эбит ээ”, – дии санаатым (А. Софронов). – Увидев, как они, не притрагиваясь к чаю, жадно поедали булочки, он понял, что они, бедненькие, никогда до этого не *пробовали* хлебо-булочные изделия.

В данном примере глагол *амсай* выходит за рамки простого обозначения приема пищи, приобретая глубокий символический смысл. Он передает ключевой момент первого сенсорного опыта, когда дети впервые в жизни знакомятся с ранее недоступным для них вкусом булочек. Через описание поведения персонажей раскрывается социальный подтекст ситуации – их бедность, нищета, отсутствие в доме обычных для других продуктов. Наблюдатель дает эмоциональную оценку этому через слово *барахсаттар* (бедненькие), что добавляет экспрессивности всему высказыванию. Глагол в данном контексте фиксирует не просто физический акт еды, а важный экзистенциальный момент – «инициацию» через первое вкусовое переживание. Это превращает обычное действие в значимое жизненное событие, отражающее социальное положение персонажей и их ограниченный жизненный опыт. Таким образом, *амсай* здесь выступает как маркер не только самого процесса потребления пищи, но и важного личностного опыта.

5) Ити балыктан биир обургу собус үөрэбэни сулбу элитэн ылан сытар эдьийгэр мииннээ, таарыччы бэйэн да кыратык *амсайыа* этинг (Н. Заболоцкай). – Возьми немного рыбы и свари ухи для своей больной сестры, заодно и сама немного *попробуешь*.

В данном контексте глагол *амсай* приобретает глубокую социокультурную значимость, выходящую за рамки простого обозначения дегустации. Упоминание небольшого количества рыбы как ценного и редкого ресурса создает особую смысловую перспективу, где акт пробы трансформируется в значимое социальное действие. Глагол здесь отражает сложную систему взаимоотношений: заботу о больной сестре, бережное отношение к дефицитному продукту и этику распределения пищевых ресурсов в условиях их ограниченности. При этом даже минимальная доля пробующего наделяется особой ценностью, подчеркивая значимость совместного пищевого опыта. Семантика *амсай* в таком употреблении органично соединяет экономический аспект (редкость продукта), социальные нормы (приоритет больного) и культурные практики (символическое значение совместной трапезы). Это превращает

простой акт пробы на вкус в многомерный социальный акт, где пищевое поведение становится языком выражения сложных межличностных отношений и коллективных ценностей.

6) *Амсайыах* эрэ ол сылгы кымыһа барахсаны. Кымыс испэтэх ыраатта (В. Протоdjeяконов). Давайте *попьем* немного кобыльего кумыса. Давно не пили его.

В данном высказывании глагол *амсай* в форме взаимного залога¹ с частицей *эрэ* передает не просто намерение отведать напиток, а воплощает целостный культурный код. Употребление кумыса, подчеркнутого как продукт из кобыльего молока, маркирует традиционный пищевой ритуал, приобретающий особую значимость из-за длительного перерыва в его совершении. Форма взаимного действия преобразует простой акт питья в социальную практику совместного потребления, где важен не столько сам напиток, сколько воссоздание коллективного опыта. Частица *эрэ* при этом смягчает побуждение, превращая его в деликатное приглашение разделить ценный гастрономический и культурный момент. Такое употребление глагола отражает глубинные механизмы языковой репрезентации, где пищевое поведение становится средством выражения:

- культурной памяти (через апелляцию к традиционному продукту);
- социальной связанности (посредством формы взаимного действия);
- ценностных ориентиров (благодаря семантике редкости и особой значимости).

Таким образом, перед нами пример того, как языковая форма может аккумулировать и транслировать сложные пласты культурного опыта и коллективных представлений.

Разберем следующее толкование:

аһыы-сии түс (үчүгэй, сонун, сибиэһэй аһы – ыарыһахха) – отведывать, попробовать немного (*обычно так предлагают вкусную, редкую пищу больному*).

В данном случае глагол *амсай* приобретает особую коммуникативную функцию. Он служит для мягкого, деликатного побуждения больного человека к приему пищи, где семантика небольшого количества играет ключевую роль. Такое употребление отражает важный культурный механизм: через языковую форму транслируется одновременно и забота, и уважение к состоянию больного. Минимальный объем пищи здесь – не просто количественная характеристика, а

¹Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Е. И. Убрятова, Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров / отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 271.

способ установить контакт, поддержать человека без давления. Глагол в этом контексте становится инструментом тонкой социальной коммуникации, где важно не столько физическое насыщение, сколько сам акт поддержания пищевой практики. Таким образом, мы видим, как язык адаптируется для деликатных ситуаций межличностного взаимодействия. Рассмотрим пример:

7) Тоойуом, чэ, бар эдьийгэр, бу балыгын илдьэ охсон биэр, баҕар, *амсайаарай* (Суорун Омоллоон). – Доченька, отправляйся к своей старшей сестре, чтобы передать ей рыбу, может быть, она все-таки *поест немного* (попробует).

Форма возможного наклонения¹ *амсайаарай* (авось попробует) в данном контексте приобретает особую прагматическую нагрузку, выходящую за рамки простого обозначения потенциального действия. Его употребление отражает целостную стратегию деликатного взаимодействия с больным человеком, где языковая форма становится инструментом мягкого воздействия. Семантика возможного наклонения здесь передает не просто вероятность совершения действия, а воплощает сложный комплекс социальных и эмоциональных значений. Модальный оттенок глагола позволяет выразить одновременно и желание помочь, и понимание уязвимого положения человека, и веру в возможность положительных изменений. Этот лингвистический выбор превращает предложение пищи в акт эмоциональной поддержки, где главное – не насыщение, а сам факт сохранения связи через трапезу. Язык здесь тонко озвучивает сложную гамму чувств: от трепетной надежды до уважения к состоянию больного, предлагая ему не просто еду, а знак внимания и участия.

8) Настаа эмээхсин кытыйаҕа арыылаах саламаат кутан аҕалла уонна уолугар ааттаһарды эттэ: «Тукаам, саламаат сыыһа *амсайа түспэккин ээ*» (Күннүк Уурастыыран). – Бабушка Настя положила в деревянную чашу саламат и сказала сыну умоляющим тоном: Сыночек, не хочешь ли ты *немножечко попробовать* саламата?

В словах бабушки Насти, обращенных к сыну, слышится не просто просьба – в них кроется вся глубина материнского чувства. Глагол *амсай*, оформленный деепричастной формой с кратковременным *түс* в отрицании, звучит как бережное

прикосновение. Это не приказ, а осторожное предложение, в котором уважение к выбору взрослого сына смешивается с надеждой, что он примет ее помощь. Саламат в деревянной чаше – не просто еда. Это вековой обряд, в котором сплетается мудрость предков, материнская жертвенность и священный смысл семейной трапезы. Бабушка Настя не кормит – она исцеляет, следуя традиции, где пища становится мостом между здоровьем и болезнью, между матерью и ребенком. В этой деликатности – вся ее любовь.

В словарных материалах БТСЯЯ зафиксировано второе значение глагола *амсай* – «распивать спиртное». Эта семантическая особенность находит параллели в родственных тюркских языках. Как отмечает М. Д. Чертыкова, в хакасском языке глагол *амза* (имеющий общее происхождение с якутским *амсай*) также обладает сходной двойственной семантикой, связанной как с дегустацией пищи, так и с употреблением алкогольных напитков [Чертыкова, 2019, с. 65]. Разберем дефиницию:

кэпс. Арыгыны ис (кыратык эбэтэр элбэхтик, субу-субу) – пить вино (понемногу или часто).

9) [Арыгыһыт] Истэбинэ эрэ чэпчиир, Буллабына эрэ уоскуйар, *Амсайдабына* эрэ аһыыр буолла (А. Софронов). – [Алкоголику] Становится легче, только когда выпьет, Успокаивается, только если найдет выпивку, Может поесть, только если *выпьет*.

В рамках когнитивно-семиотического подхода лексема *амсай* представляет собой динамичный знак, эволюционирующий от сакрально-ритуального к деструктивному значению. Изначально воплощая акт вкушения, соединяющий физиологическую потребность и культурную практику, в значении алкогольной зависимости глагол претерпевает семантическую редукцию. Его концептуальное поле сужается до смысла потребления алкоголя, что отражает глубинные когнитивные сдвиги в значении глагола.

10) Лэгийн бири сөбүлээбэт. Сорох уолаттар арыгы иһэллэр. Ити Ваня уол бүгүн эмиэ *амсайан баран* сирэйэ-хараҕа балабыран турар (Н. Босиков). – Лэгиэн (имя) не любит одного. Некоторые парни выпивают спиртное. Этот парень Ваня сегодня снова *выпил* и стоял с угрюмым лицом.

В этом фрагменте языкового материала глагол *амсай* теряет свою традиционную смысловую многогранность, сводясь к простой констатации факта употребления спиртного. Исходное значение, связанное с дегустацией или ритуальным

¹Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Е. И. Убрятова, Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров / отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 334.

потреблением, вытесняется узким пониманием – «выпить алкоголь». Язык в таких ситуациях отражает социальную реальность: слово, обозначавшее сложный культурный акт, теперь служит для констатации бытового явления. Так происходит трансформация языковых значений: от богатого культурного смысла к упрощенному бытовому обозначению.

В переносном значении *амсай* раскрывает свою глубинную семантику, выходящую за рамки физического акта потребления. Здесь глагол становится метафорой прожитого опыта, где концептуальный признак «перенесенного» трансформирует его изначальное значение.

көсп. Араас үчүгэйи-куһаҕаны, эрэйи, үөрүүнү-хомолто-ну бэйэҥ экинэн-хаангынан бил – познавать, испытывать все невзгоды, трудности, радости жизни на себе.

11) Үс сылга Айаан иккитэ чэпчэкилик бааһырбыта, саллаат эрэйдээх олобун, мүччүргэннээх сырыытын тото *амсайбыта* (Н. Габыев). – За три года Айаан был дважды тяжело ранен, он испытал все трудности жизни солдата, сполна *вкусил* разные невзгоды.

В приведенном примере глагол *амсай* в форме прошедшего времени третьего лица *амсайбыта* реализует метафорическое значение, связанное с усвоением жизненного опыта. Данное употребление отражает характерную для многих языков мира тенденцию использования вкусовой лексики для описания процессов познания и приобретения опыта (ср. *рус.* *вкусить*, *англ.* *to taste*). Тяготы военной службы, включая ранения и лишения, концептуализируются через призму гастрономического опыта, что позволяет говорить о соматизации абстрактного опыта и реализации архаичной модели познания через физическое взаимодействие с объектом. Важно отметить, что подобное употребление сохраняет связь с исконной семантикой глагола *амсай*, который в якутском языке традиционно использовался не только для обозначения физического акта потребления пищи / напитков, но и для описания ритуальных практик, предполагающих глубокое, трансформирующее взаимодействие с объектом потребления.

12) Биһиги Саһылтан хонноот, айан обургу аһы-тын-һулуунун *амсайбытынан* барарга тийибиппит (Н. Заболоцкий). – Как только мы тронулись с Саһыл (местность), *познали* (досл. 'вкусили') все трудности дороги.

В приведенном контексте глагол *амсай* реализует метафорическое значение, связанное с приобретением опыта преодоления трудностей пути.

Особый интерес представляет сочетание данного глагола с парным прилагательным *аһытын-һулуунун* (*кислый – некислый*), образующим сложную семантическую конструкцию. Указанное сочетание отражает концептуализацию пути как чередования противоположных состояний, где опыт воспринимается через призму вкусовых ощущений. Такое употребление демонстрирует характерную для якутского языка тенденцию к использованию перцептивной лексики для обозначения абстрактных понятий, когда сложный процесс передвижения осмысливается через телесный опыт вкусового восприятия. Примечательно, что антиномичная структура прилагательного передает не просто последовательную смену состояний, но их диалектическое единство в рамках единого процесса преодоления пути. Это свидетельствует о развитой системе метафорического моделирования в якутском языке, где физиологические ощущения служат основой для концептуализации сложных жизненных ситуаций. Таким образом, анализируемое сочетание представляет собой яркий пример того, как в якутском языке реализуется глубинная связь между телесным опытом и когнитивными процессами осмысления действительности.

13) Аан дойду
Айхаллаах олобуттан *амсайан*
Санаам туолан,
Сүрэбим үөрэн бардым (А. Софронов). –
Познав земную жизнь,
Ухожу с радостным сердцем.

В якутском языке глагол *амсай* демонстрирует значительный семантический потенциал при концептуализации абстрактных понятий. Его употребление с абстрактным объектом «жизнь» свидетельствует о развитой метафорической системе, где соматические переживания служат базой для осмысления экзистенциальных категорий. Данное языковое явление отражает универсальный механизм концептуализации, при котором телесный опыт становится источником для формирования сложных мировоззренческих понятий. В якутской лингвокультуре акт вкушения трансформируется в инструмент познания, сохраняя при этом связь с архаичными представлениями о единстве физического и духовного начал. Анализируемый пример иллюстрирует, как конкретное действие приобретает метафизическое измерение, позволяя выразить процесс глубокого и осознанного восприятия жизни. Такая семантическая трансформация подчеркивает антропоцентрический характер языковой картины мира, где телесные практики становятся основой для философского осмысления существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структура глагола *амсай* представляет собой сложный когнитивный комплекс, интегрирующий несколько концептуальных слоев. Его ядерное значение, связанное с актом вкушения, развивает дополнительные смысловые измерения, отражающие глубинные культурные коды якутского этноса. В семантике данного глагола пересекаются концептуальные признаки целенаправленного действия и приобретения опыта, что свидетельствует о традиционной связи акта потребления с процессами познания. При этом сохраняется имплицитная семантика ограниченного количества и особой ценности объекта вкушения, восходящая к архаичным практикам ритуального потребления. Отдельный

концептуальный пласт связан с употреблением алкогольных напитков, где глагол приобретает специализированное значение. Такая семантическая диверсификация отражает сложную систему этнокультурных представлений, в которых акты физического и символического потребления оказываются тесно переплетены. Подобная многомерность концептуальной структуры демонстрирует, как в отдельном языковом элементе могут кристаллизоваться фундаментальные аспекты мировосприятия, соединяющие материальные практики с духовными концептами. Это позволяет рассматривать *амсай* как лингвокультурный маркер, фиксирующий специфические механизмы концептуализации действительности в якутском языковом сознании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Малинович Ю. М. Малинович М. В. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича. М., Иркутск, 2003. С. 7–28.
3. Темиргазина З. К. Антропологическая лингвистика и культурная антропология в современной системе гуманитарных знаний // Тіл әлемі. Мир языка. Алматы: Нұр-Принт, 2005. С. 40–44.
4. Daddesio T. On Minds and Symbols: The Relevance of Cognitive Science for Semiotics. Berlin: De Gruyter Mouton, 1995.
5. Валькман Ю. Когнитивная семиотика в процессах образного мышления // Problems of Computer Intellectualization. Kiev; Sofia: Ithea, 2012. С. 350–358.
6. Zlatev J. Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning // Public Journal of Semiotics. 2012. Vol. 4. № 1. P. 2–24.
7. Беляевская Е. Г. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2014. вып. 20 (706). С. 9–21.
8. Paolucci C. Cognitive Semiotics. Cham: Springer Nature, 2021.
9. Сахно А. А. Когнитивно-семиотический аспект запаха // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Зиньковской [и др.]. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 99–102.
10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
11. Рош Э. Принципы категоризации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 23–52.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
13. Барсалоу Л. В. Модели категоризации в когнитивной науке // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 45–62.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago press, 1980.
15. Козлова, Л. А. Кремнева А. В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 47–59.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004.
17. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago : University of Chicago Press, 1987.
18. Чертыкова М. Д. Глагольное выражение вкусового восприятия в хакасском и других тюркских языках // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 63–75. DOI 10.24411/2072-8980-2019-00021.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)

2. Malinovich, Yu. M., Malinovich, M. V. (2003). Antropologicheskaya lingvistika kak integral'naya nauka = Anthropological linguistics as an integrative science. In Malinovich, Yu. M. (Ed.), Antropologicheskaya lingvistika: Kontsepty. Kategorii (pp. 7–28). Moscow; Irkutsk. (In Russ.)
3. Temirgazina, Z. K. (2005). Antropologicheskaya lingvistika i kul'turnaya antropologiya v sovremennoi sisteme gumanitarnykh znaniy = Anthropological linguistics and cultural anthropology in the modern system of humanities knowledge. In Til álemi. Mir yazyka (pp. 40–44). Almaty: Nür-Print. (In Russ.)
4. Daddesio, T. (1995). On minds and symbols: The relevance of cognitive science for semiotics. Berlin: De Gruyter Mouton.
5. Valkman, Yu. (2012). Kognitivnaya semiotika v protsessakh obraznogo myshleniya = Cognitive semiotics in processes of imaginative thinking. In Problems of Computer Intellectualization (pp. 350–358). Kiev; Sofia: Ithea.
6. Zlatev, J. (2012). Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning. Public Journal of Semiotics, 4(1), 2–24.
7. Belyaevskaya, E. G. (2014). Cognitive methods of analyzing lexical semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(706), 9–21. (In Russ.)
8. Paolucci, C. (2021). Cognitive semiotics. Cham: Springer Nature.
9. Sakhno, A. A. (2023). Kognitivno-semioticheskii aspekt zapakha = Cognitive-semiotic aspect of smell. In Zinkovskaya, A. V. et al. (Eds.), Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya (pp. 99–102). (In Russ.)
10. Lakoff, G. (1987). Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.
11. Rosch, E. (1988). Printsipy kategorizatsii = Principles of categorization. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, 23, 23–52. (In Russ.)
12. Wierzbicka, A. (1996). Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)
13. Barsalou, L. W. (2010). Modeli kategorizatsii v kognitivnoi nauke = Models of categorization in cognitive science. Kognitivnye issledovaniya = Cognitive studies, 4, 45–62. (In Russ.)
14. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago press.
15. Kozlova, L. A., Kremneva, A. V. (2021). Kontseptual'naya metafora v kognitivno-semioticheskom osmyslenii = Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation. Cognitive Linguistics, 1, 47–59. (In Russ.)
16. Lotman, Yu. M. (2004). Semiosphere. St.Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
17. Lakoff, G. (1987). Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.
18. Chertykova, M. D. (2019). Verbal expressing of taste in Khakas and other Turkic languages. Vestnik of Tuvan State University. Social sciences and humanities, 4(52), 63–75. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Раиса Петровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой английской филологии
Политехнического института (филиала) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» в г. Мирном

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Raisa Petrovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of English Philology, Mirny Polytechnic Institute (branch)
of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Статья поступила в редакцию	10.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication